

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Жажда крови

Ольга Профит

Ольга Профит

Жажда крови

Серия «Жажда», книга 2

<https://litres.ru/73773019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что потеряла всё. Любовь. Доверие. Себя.

Но правда оказалась страшнее, чем она могла представить. Её отец — князь тьмы, первородный вампир, правитель подземного города, скрытого от людских глаз.

Теперь она спускается в глубины, где вместо мрачных пещер её встречают мрамор, золото и роскошь. Здесь живут те, кто отказался от солнечного света ради вечной жизни. Здесь правят древние законы, а кровь — главная валюта.

Отец готовит её к роли наследницы. Но не все рады её появлению.

Эрик — названный сын князя, который два века считал себя единственным претендентом на трон. Он красив, хладнокровен, опасен.

Но её кровь — кровь первородного — сводит его с ума. Она становится его наваждением, его жаждой, его одержимостью.

Лена пытается понять Эрика, впитать законы этого мира, найти своё место. Между ними вспыхивает страсть — опасная,

запретная, неоднозначная. Она видит его жестокость, его слабости, его тьму.

Впереди — выбор. Стать частью этого мира или сбежать, как её мать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ольга Профит

Жажда крови

Глава 1

Лена шла за псом. Уже смеркалось, видимость была плохая — сумерки сгущались, тени удлинялись, и в этом сером, размытом свете трудно было разглядеть что-то дальше собственных ног.

Малыш уверенно бежал вперёд, к старому домику на отшибе.

Она не знала, что за ней наблюдают.

Старик стоял на крыльце, опираясь на трость. Рядом, чуть позади — его спутник. Высокий, бледный, в длинном плаще. Он тоже смотрел на приближающуюся фигуру, но в его взгляде не было ни тепла, ни ожидания. Только холодное внимание.

— Она идёт, — прошептал он.

Старик кивнул. Молчал, всматриваясь в сумерки, на силуэт женщины и бегущего впереди пса.

— Нам не должны помешать.

Спутник кивнул. Ни слова, ни вопроса. Развернулся и бесшумно сошёл с крыльца, растворившись в сумерках.

Старик остался один. Поправил шапку, оперся на трость

и стал ждать.

Я увидела его издалека — того самого старика, который в ту ночь в супермаркете вселял в меня ужас. Но сейчас я почему-то не ощущала этого дикого страха. Может, потому что устала бояться. Или потому что внутри уже не осталось места для страха — только пустота, которую хотелось чем то заполнить.

Перекосившееся крылечко жалобно скрипнуло, когда я поставила ногу на ступеньку. Шпилька вошла в прогнившее дерево, и я чуть не подвернула лодыжку.

— Чёрт, — выдохнула я. — Не хватало только для полного счастья переломать себе ноги в этом убогом старом домишке.

Старик выпрямился. Он больше не опирался на трость, словно обрёл новую силу. Его взгляд был спокойным, почти ласковым, будто он ждал этого момента всю жизнь.

— Здравствуй, дочка, — мягко сказал он.

Я замерла, не в силах поверить.

— Малыш, — позвала я. — Малыш, иди ко мне.

Пёс не сдвинулся с места. Он сидел у ног старика и пристально смотрел на меня. В его жёлтых глазах не было вины, только спокойствие и покорность. Будто он тоже ждал этого момента.

— Это ваш пёс? — спросила я, не отводя взгляда.

— Мой, — ответил старик. — Я велел ему охранять тебя.

Берёг? — он повернулся к псу.

Малыш опустил голову. Он не тьякнул, не вильнул хвостом. Просто замер, словно готовясь к чему-то неизбежному.

— Не справился, — холодно произнёс старик. — Плохой пёс.

Он резко поднял трость и ударил пса по боку.

Малыш взвизгнул, отскочил в сторону, поджал хвост. В глазах отразилась боль и покорность. Никакой агрессии, только готовность принять свою участь.

— Зачем вы так?! — вырвалось у меня. — Не смейте!

— Заслужил, — спокойно ответил старик. — Он должен был беречь тебя от боли. Не уберёг.

— Кто вы? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается злость. — Что вам нужно?

— Я твой отец, Лена.

Я покачала головой, отступая на шаг.

— Нет. У меня нет отца.

— Лена, — он вздохнул, как усталый учитель, который в сотый раз объясняет прописную истину, — неужели ты и вправду не понимаешь, что происходит?

— Да, — выпалила я. — Я реально не понимаю всего происходящего. У меня куча предположений, и все они — бред сумасшедшего. Кто вы? Человек? Маньяк?

Старик усмехнулся. В его усмешке не было насмешки — только древняя, бесконечная усталость.

— Твоя мать сбежала от меня, пока я был в отъезде. Ви-

димо испугалась, когда узнала что беременна. Я не знал, что ты существуешь, пока ты не вошла в тот магазин.

Я смотрела на него. На его лицо, на его глаза — такие же, как у меня. И внутри что-то дрогнуло. Где-то глубоко, там, где ещё жила надежда, что у меня есть кто-то, кроме Малыша.

— Она не хотела становиться дитём ночи, — продолжал старик. — Поэтому сбежала. Пряталась. Я искал её долгие годы. И, наконец, твоя кровь позвала меня.

— Что вы такое? — прошептала я.

Старик улыбнулся. И в этой улыбке было что-то древнее, тёмное, бесконечное.

— Я князь ночи, дочка. Первородный. А ты — моя кровь. Моя наследница.

Он протянул руку:

— Пойдём. Тебе пора домой.

Я посмотрела на пса. Он поднял голову, вильнул хвостом. Я видела в этом движении и преданность, и просьбу о прощении, и тоску по дому, которого у него не было, пока он жил у меня.

— Пойдём, — повторил старик.

Я сделала шаг. За мной, тихо ступая по прогнившим ступенькам, шёл Малыш. Я не оборачивалась.

Дверь приоткрылась, и я попала в тёмное захламлённое помещение.

— Как ты живёшь тут? — с ужасом уставилась я на ста-

рика.

— Намного лучше, чем большинство в этой деревеньке,
— ответил он спокойно.

Я окинула помещение более пристально и вдруг осознала, что оно совсем нежилое. Тёмное, холодное, без какой-либо необходимой мебели — зато с грудой различного хлама, сваленного вдоль стен. Картонные коробки, ржавые инструменты, какие-то тряпки, обрывки проводов. Притон бомжей, не иначе.

Словно в подтверждение, Малыш улёгся на какую-то грязную фуфайку в углу и радостно завилял хвостом.

— И вот сюда ты так стремился вернуться, — пробормотала я.

Пёс довольно прикрыл глаза, устроившись поудобнее.

— Пойдём, — сказал старик. — А ты охраняй, Кид.

— Кид? — удивилась я.

— Кид, Кид, — повторил он.

Он направился в дальний угол избы, и я только сейчас заметила то, что выглядело здесь совершенно чужеродным.

Металлическая дверь.

Она сильно выделялась в этом полуразрушенном деревянном строении. Массивная, с толстыми петлями, она выглядела слишком современно и дорого для этой покосившейся лачуги. А главное — в неё был встроен цифровой кодовый замок. Матовый чёрный прямоугольник с подсвечивающимися кнопками смотрелся здесь как инопланетный артефакт.

Но что ещё больше удивило меня — дверь была встроена не в стену, а в кирпичную кладку старой печи, стоявшей посреди избы.

— Мы что, в печь полезем? — спросила я, пытаюсь скрыть растущее напряжение.

Старик громко засмеялся.

Смех его был неожиданным — гулким, совсем не подходящим этому маленькому согбенному человеку. Он смеялся так, будто я сказала что-то невероятно остроумное.

— В печь, дочка, — повторил он, отсмеявшись. — В самую настоящую печь.

Он протянул руку к замку. Длинные бледные пальцы замерли над кнопками на секунду, будто прислушиваясь к чему-то, невидимому мне. Потом коротко, уверенно нажал.

Замок пиликнул. Где-то глубоко, за кирпичной кладкой, лязгнул тяжёлый засов. Металлическая дверь медленно, без единого скрипа, начала открываться.

Из проёма пахнуло холодом. Из темноты тянуло сыростью и чем-то ещё — неуловимым, металлическим, чужим.

— Добро пожаловать домой, — сказал старик и шагнул в темноту.

Я замерла на пороге. Сердце колотилось где-то в горле.

Внизу, за порогом, угадывались ступени. Каменные, крутые, уходящие в неизвестность. Сверху на них падал слабый свет — единственная лампочка под потолком избы. Дальше была только тьма.

— Идёшь? — донёлся из темноты голос старика.

— Конечно, иду, — сказала я в пустоту и шагнула за ним.

Глава 2

Я открыла шкаф во второй раз, надеясь найти что-то привычное. Джинсы, свитер, хотя бы обычную футболку. Но вешалки молчаливо предлагали шёлк, бархат, кружево. Вечерние платья. Бальные наряды. То, в чем ходят на светские рауты, а не ужинают с... с кем? С отцом, о существовании которого я не знала почти четверть века.

Выбора не было. Я достала первое, что попало под руку — длинное платье из тёмно-синего бархата, с закрытыми плечами, но глубоким вырезом на спине. Ткань приятно скользнула по коже, облекая фигуру. Я посмотрела на себя в зеркало и не узнала. Из отражения смотрела не я — другая женщина. Бледная, с огромными глазами, в платье, которое стоило, наверное, больше, чем моя квартира.

Я расчесала волосы, оставив их распущенными, и села на край кровати. Ждать. Только ждать. Потому что выходить в незнакомый коридор, где каждый угол скрывает неизвестность, я боялась.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

— Войдите, — сказала я, и голос прозвучал чужим.

Дверь открылась, и на пороге появилась молодая девушка. Одета в строгое чёрное платье, с аккуратно убранными волосами и безучастным лицом. Горничная. Настоящая горничная, как в старых фильмах.

— Господин ждёт вас к ужину, — сказала она ровным голосом. — Позвольте проводить.

Я кивнула и поднялась.

Мы шли по коридорам, и я переставала понимать, где нахожусь. Мрамор, золото, хрусталь. Картины в тяжёлых рамах. Антикварные вазы. Всё это было под землёй.

Девушка остановилась перед высокими дверьми, распахнула их, и я замерла на пороге.

Зал был огромным. Стены — в тёмном бархате, пол — в тяжёлых коврах с восточными узорами. Люстры из чёрного хрусталя лили мягкий, приглушённый свет. В центре стоял длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, уставленный серебром и хрусталём.

А за столом сидели они.

Красивые. Все. Такие красивые, что у меня перехватило дыхание. Женщины в платьях, расшитых золотом и камнями. Мужчины в безупречных костюмах. На шеях, на пальцах, в ушах — бриллианты, рубины, сапфиры. Они пили из тонких бокалов, переговаривались, смеялись. И все они были вампирами. Я чувствовала это. Не знаю как — просто чувствовала. Каждой клеткой.

Во главе стола сидел мой отец. Я узнала его, хотя он изменился до неузнаваемости. Вместо согбенного старика в пальто и ушанке — мужчина в дорогом костюме, с острыми чертами лица, с чёрными глазами, которые смотрели на меня из-за стола. И улыбался.

— Лена, — голос отца вывел меня из оцепенения. — Пройди. Мы тебя ждали.

Я сделала шаг. Потом ещё один. Все взгляды были устремлены на меня, и я чувствовала себя музейным экспонатом, который выставили на всеобщее обозрение.

— Позвольте представить, — отец поднялся, и все за столом замерли. — Моя дочь. Лена. Та, кого я искал долгие годы. Та, кто теперь займёт своё законное место.

По залу прокатился тихий шепот. Я опустила взгляд, не зная, куда деть глаза.

Отец указал на место по правую руку от себя. Я села.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина. Высокий, светловолосый, с золотистыми волосами, красивый. Он двигался спокойно, уверенно, как будто всё вокруг принадлежало ему.

Он подошёл к столу, поклонился отцу.

— Простите, задержался.

— Садись, — отец кивнул на место слева от себя.

Он сел напротив меня. Я подняла глаза. Он смотрел. Изучал меня взглядом.

— Лена, это Эрик. Мой названный сын.

— Приятно познакомиться, — сказала я.

Он кивнул.

— Приятно познакомиться, Лена.

Ужин начинался.

Официанты бесшумно скользили между столами. Перед

каждым гостем поставили тарелки — на них лежало что-то тёмное, сочное, с резким запахом металла. Похоже на сырую печень, промелькнула мысль.

Мне принесли запеканку с мясом и овощами, сверху расплавленный сыр. Обычная еда. Человеческая. Я взяла вилку, но есть не стала.

Всем разливали из графинов что-то густое, тёмно-красное. Мне, по запаху, налили вино.

Я смотрела на их тарелки, на их бокалы.

— Кушай, — сказал отец, заметив, что я не ем. — Тебе надо питаться. Ты пока ещё человек.

Ужин продолжался. Гости разговаривали, смеялись, пили. Я сидела, ковыряла вилкой запеканку и ждала, когда это закончится.

Эрик поднял глаза. Лена сидела напротив. Ковыряла вилкой еду в тарелке, не ела. Смотрела по сторонам, но старательно избегала его взгляда. Он видел её насквозь — усталость, напряжение, недоверие. Всё это было написано на её лице, в её жестах, в том, как она сжимала вилку.

Она ещё не знала. Не знала, что её мир рухнул сегодня на трассе. Не знала, что тот, кого она любила, больше не придёт. Не знала, что теперь её место здесь.

— Что вы думаете о нашем доме, Лена? — спросил Эрик, нарушая тишину.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то,

чего он не мог прочитать.

— Я не знаю, что думать, — честно ответила она. — Я не знаю, где нахожусь. Не знаю, кто вы. Не знаю, что мне здесь делать.

— Вы будете учиться, — сказал Эрик. — Привыкать. Все-му своё время.

— А если я не захочу привыкать?

Эрик усмехнулся. Упрямая. Вся в отца.

— Тогда вы будете несчастны, — сказал он спокойно. — А мы не любим несчастных. Это портит аппетит.

Лена отвела взгляд. А Эрик смотрел на неё и думал: как она поступит? Примет ли своё наследие? Станет ли частью этого мира? Или сбежит, как её мать?

Но глядя в её глаза, он понимал: эта не сбежит. Слишком много крови отца в её жилах.

Эрик откинулся на спинку стула, лениво потягивая из бокала тёмно-вишнёвую жидкость. Густую. Тягучую. Тёплую. Он пил медленно, наслаждаясь каждым глотком, но глаза его не отрывались от неё.

Он пил и думал.

Её кровь - живая. Он чувствовал её даже отсюда, даже сквозь запахи еды, духов, старого дерева и свечей. Она была в ней — та самая, первородная. Та, которую он однажды попробовал.

Воспоминание пришло само собой.

Замок. Крики. Лязг мечей.

Отец кричал где-то внизу, мать плакала. А он, юноша двадцати лет, сжимал в руке меч и знал, что это конец. Он чувствовал это каждой клеткой своего тела.

— Беги, — шепнула мать, влетая в его комнату. — Беги, сын.

Она толкнула его к тайному ходу, но было поздно.

Из темноты выскочил дядя Саймон — с перекошенным от злобы лицом, с мечом, уже покрытым чужой кровью.

— Ах ты, выродок, — прохрипел он. — Ты — не достоин наследовать этот замок.

Эрик поднял меч, готовый защищаться, но мать заслонила его собой. Саймон не колебался. Клинок вошёл ей в живот, вышел наружу, и она упала, не вскрикнув, только глаза её расширились — полные боли, ужаса и бесконечной любви.

— Мама! — закричал Эрик, бросаясь к ней, но кто-то схватил его сзади, выбил меч из рук, заломил их за спину.

Из коридора донёсся рык отца. Он ворвался в комнату, размахивая мечом, но наёмников было слишком много. Эрик смотрел, как его отца — сильного, гордого, несгибаемого — схватили, поставили на колени. Как дядя Саймон подошёл к нему, улыбаясь. Как занёс меч.

— Это тебе за то, что старший брат, — сказал Саймон. — За то, что всё досталось тебе.

Удар пришёлся в шею. Отец упал, не издав ни звука. Только кровь хлынула на каменный пол, смешиваясь с кровью

матери.

Эрик закричал. Рванулся, сбросил тех, кто его держал, бросился к телу отца, но наёмники снова схватили его. Саймон стоял над ним, тяжело дыша, с мечом в руке.

— Убейте его, — сказал он равнодушно.

Меч вошёл в бок. Эрик упал на колени, прижимая руку к ране. Кровь сочилась сквозь пальцы, заливая одежду. Он лежал на каменном полу, глядя в потолок, и ждал смерти.

Но смерть не пришла. Сознание уходило, возвращалось, снова уходило. Он не знал, сколько прошло времени — час, два, целая вечность. Очнулся от холода. Лужи крови вокруг застыли. Тела отца и матери лежали там, где их убила чужая злоба.

Он поднялся. Шатаясь, держась за стену, пошёл к тайному ходу. Спустился в подземелье, выбрался через потайную дверь в лесу. Падал, вставал, снова падал. Ветки хлестали по лицу, тьма сгущалась, а он всё шёл, истекая кровью, цепляясь за жизнь, которая утекала сквозь пальцы.

Он привалился к дереву, сел на землю, прислонившись спиной к шершавому стволу. Смотрел на небо. Звёзды кружились, тускнели, гасли. Он закрыл глаза и подумал: всё. Конец.

— Красивый, — раздался голос откуда-то сверху.

Эрик не мог поднять голову. Только видел чьи-то сапоги, ступившие в лужу его крови.

— Жаль, — сказал голос. — Такой молодой. В самом рас-

цвете сил.

Кто-то опустился рядом на корточки. Сильные пальцы взяли его за подбородок, приподняли голову. Эрик увидел лицо — бледное, острое, с черными глазами, в которых горела вечность.

— Хочешь жить? — спросил незнакомец.

Эрик хотел ответить, но вместо этого провалился в темноту.

Очнулся он от боли. Огненной, всепоглощающей, такой, что хотелось кричать, но голоса не было. А после — нечто невероятное. Его кровь. Кровь первородного. Она наполнила его, сожгла старое тело и создала новое. Сильное. Бессмертное.

Он помнил тот вкус до сих пор. Сладкий, терпкий, пьянящий. Он никогда не пробовал ничего подобного ни до, ни после.

Он чувствовал, как кровь в его жилах кипит, меняется, перерождается. Как сердце бьется, замирает, бьется снова. Как тьма сгущается вокруг, становится частью его, его частью.

Боль прошла. И он открыл глаза.

Мир стал другим. Каждая травинка, каждый лист, каждая капля росы на ветке — всё было четким, ясным, живым. Он слышал, как в норе под корнями дышитмышь. Как далеко-далеко, за холмами, течет река. Как в замке, в старом замке, где он родился, всё еще льется кровь.

Он вернулся в замок через тот же тайный ход.

В большом зале горели факелы. Дядя Саймон сидел в кресле отца, держал в руках кубок с вином и улыбался чему-то своему. Наёмники пили, смеялись, играли в кости.

Эрик вошёл тихо, как тень.

— Здравствуй, дядя, — сказал он.

Саймон поднял голову. Кубок выпал из его рук, и покапал по каменному полу, разбрызгивая красное вино.

— Ты... — прошептал он. — Ты же умер.

— Я умер, — спокойно ответил Эрик. — Но я вернулся.

Он двинулся вперёд. Наёмники схватились за оружие, но Эрик был быстрее. Он убивал их одного за другим — молча, методично, не чувствуя ни боли, ни жалости. Кровь полилась рекой.

Саймон вскочил, попытался бежать, но Эрик схватил его за горло, поднял над полом, прижал к стене.

— За отца, — сказал он. — За мать. За себя.

Он впился зубами в шею дяди и пил. Кровь была горячей, солёной, живой. Он пил большими глотками, чувствуя, как сила возвращается, как тьма внутри радуется, как каждая клетка его тела поёт от наслаждения.

Саймон обмяк, побледнел, глаза его закатились. Эрик отбросил тело, вытер губы тыльной стороной ладони.

Глава 3

Эрик моргнул. Лена всё так же сидела напротив, не поднимая глаз. Он сделал глоток из бокала. Кровь была еще тёплой, но безвкусной, по сравнению с кровью первородных. Она никогда не была и не будет такой. А сейчас этот вкус был так близко.

Эрик сделал ещё глоток. Лена подняла голову и на секунду встретилась с ним взглядом. Он не отвёл глаз. Она — да.

Он усмехнулся про себя. Она ещё не знает, кто она. Не знает, какая сила течёт в её жилах. Не знает, что её кровь способна свести с ума любого из них.

— Вы что-то сказали? — спросила она, заметив его улыбку.

— Нет, — ответил он. — Просто думаю.

— О чём?

Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— О том, как много вам предстоит узнать.

Она не ответила. Отвернулась. Он продолжил пить, не сводя с неё глаз. Её кровь звала его.

Я украдкой посмотрела на Эрика. Названный сын отца. Тот, кто был рядом всё это время, пока меня не было. А теперь появилась я. Наследница.

Что он чувствует? Радуетя? Или видит во мне угрозу?

Я не знала. Но думала об этом.

Мысль мелькнула — уйти. Прямо сейчас. Наверх, в свою старую жизнь. Там всё понятно. Там безопасно.

Но что-то держало. Не отец. Не страх. Что-то глубинное, родовое. Та самая кровь, которая текла во мне и в нём. Она шептала: здесь твоё место.

Как можно тосковать по человеку, которого никогда не знал? Не понимала. Но тосковала.

Эрик поднял бокал. Я встретила его взгляд — спокойный, изучающий. Ни вражды, ни радости. Просто интерес.

Я отвернулась.

Ужин продолжался. А я сидела и понимала одно: просто так уйти не получится. Что-то держит. И это что-то сильнее усталости.

Решение придёт. Не сейчас. Но скоро.

Эрик подался вперёд.

— Вам здесь не нравится, — сказал он.

Я подняла глаза.

— Почему вы так решили?

— Вы не едите, — он кивнул на мою тарелку. — Почти не пьёте. Смотрите на всех так, будто они вот-вот на вас набросятся.

Я промолчала. Он угадал.

— Я могу показать вам это место, — сказал он. — Не как гость, а как человек, который здесь живёт. Экскурсия, прогулка. Что хотите.

— Зачем? — спросила я.

Он улыбнулся, но не ответил. Просто смотрел. В его глазах было что-то — не насмешка, не вызов. Что-то другое. Я не поняла.

— Подумайте, — сказал он. — Завтра. Послезавтра. Я никуда не тороплюсь.

Я кивнула. Не знала, что ещё сказать.

Он улыбнулся снова. Загадочно. Спокойно.

— Не бойтесь, — сказал он тихо. — Я не кусаюсь.

Я отвела взгляд.

Гости постепенно удалились. Шелест платьев, звон бокалов, приглушённый смех — всё растворилось в коридорах, оставив в огромном зале только нас двоих. Я и мой отец. Князь ночи.

Он сидел напротив, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на меня. Долго. Внимательно. Так смотрят на картину, которую ждали много лет, но никак не могут понять, нравится она или разочаровывает.

— Ты останешься здесь, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

— Я пришла не в гости, — ответила я. — Я пришла привести пса домой.

Он усмехнулся.

— Ты думаешь, если бы он хотел вернуться, то не нашёл бы дорогу?

Я промолчала. Потому что знала: Малыш, нет - Кид, знал дорогу сюда лучше, чем к моему подъезду.

— Он хотел, чтобы ты пришла ко мне, — добавил отец.

— Зачем? — я подняла на него глаза. — Зачем вам это? Я хочу больше узнать о своей дочери? — переспросила я с вызовом. — С чего бы это? Всё это время вы не хотели знать обо мне, а тут вдруг...

— Нет, — он перебил меня, и в голосе его впервые прозвучало что-то живое. — Нет, не хотел. Потому что не знал. Я не знал о тебе, Лена. Твоя мать ушла, не сказав мне, что ждёт ребёнка.

Я смотрела на него. В его глазах, таких же чёрных, как мои, не было лжи. Только древняя, выжженная временем боль.

— А с чего ты решил, что я твоя дочь? — спросила я. — Ты просто увидел меня в магазине и...

— Зов крови не обманешь, — перебил он. — Я почувствовал тебя, как только ты сошла с автобуса. Но не понял, что ты человек. Думал, ты одна из моих созданий — тех, в ком течёт моя кровь. А когда увидел...

Он замолчал, и я заметила, как дрогнули его пальцы на подлокотнике кресла.

— Ты так на неё похожа, — сказал он тихо. — На Татьяну.

Я отвела взгляд. Не могла смотреть на него, когда он говорил о маме.

— Почему она ушла от тебя? — спросила я.

Он молчал долго. Я уже думала, что не ответит.

— Сначала она не знала, кто я, — начал он. — Мы полюбили друг друга. Были счастливы. Я думал, что смогу справиться. Но так не могло продолжаться вечно.

Он посмотрел на свои руки, бледные, длинные, с идеальными ногтями.

— Ночные свидания, ночная жизнь, моё постоянное исчезновение на рассвете — всё это беспокоило её. Она спрашивала, а я не знал, как ей объяснить. Но в одну прекрасную ночь я рассказал ей правду. Она поняла, приняла, осталась со мной по собственной воле...

Он замолчал. Я видела, как тяжело ему говорить об этом. Странно было видеть в этом древнем, пугающе красивом мужчине что-то человеческое.

— Она не хотела становиться дитём ночи, — кивнул князь. — Боялась. Я понимаю. Но я бы не стал... Сбежала, унося под сердцем моего ребёнка. А я не знал. Не чувствовал. Как я мог не чувствовать? — он замолчал, покачал головой. — Впрочем, теперь это не важно.

Мы замолчали. В огромном зале было тихо.

— Я не стану тебя удерживать, — сказал он вдруг. — Если захочешь уйти — уйдёшь. Кид проводит.

Я подняла глаза.

— Но ты моя дочь, Лена. Моя кровь. Моя наследница. И я хочу, чтобы ты была здесь. Чтобы узнала этот мир. Чтобы поняла, кто ты на самом деле.

— А если я не захочу этого? — спросила я.

Он улыбнулся. Грустно, по-человечески.

— Тогда уйдёшь. Как твоя мать. Но дай мне хотя бы попытаться. Дай мне шанс узнать тебя. Пожалуйста.

Я смотрела на него и видела перед собой не князя тьмы, не древнего вампира, а мужчину, который потерял любимую женщину и нашёл дочь, о существовании которой не подозревал. И что-то во мне дрогнуло.

— Я останусь, — сказала я тихо. — Ненадолго.

Он кивнул. В его глазах блеснуло что-то — благодарность, надежда, может быть, сожаление.

— Ненадолго — это уже начало, — сказал он.

Глава 4

Внутренние часы окончательно сбились. Елену уже клонило в сон, а обитатели катакомб только просыпались. Для них наступало утро — для неё глубокая ночь.

К завтраку подавали деликатесы, которые она раньше видела только по телевизору. Устрицы, трюфели, какие-то соусы с названиями, которые она не выговаривала. Она ела механически, почти не чувствуя вкуса. Одевали её в вещи, о которых она не могла и мечтать — итальянская кожа, французский шёлк, всё сидело идеально, будто шили на заказ. Она смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

Передали ноутбук. Тончайший, почти невесомый, с логотипом, который она видела только в фильмах. На корпусе — ни одной кнопки, только сенсорная панель, которая светилась мягким голубым. Она открыла крышку — экран засветился сам, без всякой кнопки включения. Wi-Fi ловил мгновенно, скорость была такой, что страницы открывались раньше, чем она успевала моргнуть.

Она уладила дела с работой. Написала начальнику, что уходит — кратко, без объяснений. Он не ответил. Может, обиделся, а может, обрадовался.

Потом решила оплатить коммуналку за квартиру. Зашла в личный кабинет, посмотрела начисления — и замерла. Кто-то уже внёс платёж. Авансом. На пару сотен тысяч. Она пе-

репроверила — верно. Переплата, которой хватит на год, а то и на два.

Она сидела, смотрела на экран и не знала, что думать. Отец, конечно. Кто же ещё.

Её не бросили. Подумали о ней. Решили проблемы, о которых она даже не успела задуматься.

Ей стало тепло. Не от одежды, не от кофе — откуда-то изнутри. Там, где последние дни было только пусто и холодно, вдруг затеплилось что-то. Маленькое. Тихое. Но живое.

Она закрыла ноутбук, откинулась на подушки. Глаза слипались. Завтра — новый день. Или новая ночь. Она уже не разбирала.

Но что-то внутри подсказывало: всё будет хорошо. Впервые за долгое время.

Стук в дверь был тихим — почти не слышным, но я почему-то проснулась сразу. Села на кровати, поправила волосы. В комнате горел приглушённый свет, я не выключила его.

— Войдите, — сказала я.

Дверь открылась бесшумно. На пороге стоял Эрик.

Я замерла.

Он выглядел так, будто сошёл с обложки дорогого журнала. Чёрный костюм сидел идеально — ни складки, ни лишней морщинки. Белая рубашка расстёгнута на верхнюю пуговицу, чёрный галстук свободно висел на шее. Светлые волосы чуть влажные, уложены назад. Он был красив — неброс-

ко, но так, что невозможно было отвести взгляд.

— Доброй ночи, — сказал он, и голос его звучал вкрадчиво, мягко, как бархат. — Не спится?

— Уже не сплю, — ответила я.

Он улыбнулся. Не широко, а так — уголками губ.

— Я хотел предложить вам прогулку, — сказал он. — Показать, где вы теперь живёте. Если, конечно, вы не против.

Я посмотрела на него. Сон ещё не прошёл, мысли ворочались лениво, но что-то внутри подсказывало: соглашайся.

— Хорошо, — сказала я. — Дайте мне пять минут.

Он кивнул и вышел. Я быстро сбегала в уборную, разгладила ладонями помявшееся платье, волосы расчесала пальцами. Не до парада.

Эрик ждал в коридоре, прислонившись к стене. Увидел меня — выпрямился.

— Идёмте, — сказал он.

Мы направились по коридору. Он передвигался так тихо, что я едва различала его шаги. Мои же шаги звучали громко, и я ощущала себя слоном в посудной лавке.

— Это крыло личных апартаментов князя, — сказал он, кивнув на двери, мимо которых мы проходили. — Ваш отец живёт здесь. И вы теперь тоже.

Я оглянулась. Мрамор, золото, картины. Всё дорого, всё массивно, всё будто из другой эпохи.

Мы свернули в другой коридор. Стены здесь были тёмными — чёрный гранит с красными прожилками, будто камень

пропитался кровью. Свет падал сверху, мягкий, рассеянный, и от этого камень казался живым.

— Мои покои, — сказал Эрик, не глядя на меня. — Если что-то понадобится — вы знаете, где меня искать.

Я кивнула. Не знала, что ответить.

Дальше пошли хозяйственные помещения. Кухни — огромные, с блестящими поверхностями, с запахом трав и чего-то мясного. Уборные, прачечные, какие-то кладовки. Всё чистое, стерильное, будто здесь никогда не готовили и не стирали.

Мы свернули в ещё один коридор. Здесь было светлее — мягкий золотистый свет струился с потолка, падая на стены из полированного дерева. За тяжёлыми дверями угадывались чьи-то голоса, смех, звон бокалов.

— Жилые помещения, — коротко пояснил Эрик. — Здесь обитают те, кто не входит в семью, но живёт под защитой князя.

Я хотела спросить, кто они и почему здесь, но он уже двинулся дальше, не давая времени на вопросы.

Мы почти дошли до конца коридора, когда я заметила их.

В нише, чуть в стороне от основного прохода, мужчина прижимал женщину к стене. Она не сопротивлялась — напротив, запрокинула голову, обнажая шею, и её глаза были закрыты, а на лице застыло выражение блаженства. Мужчина склонился к её шее, и я успела заметить, как его клыки вошли в её кожу.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

Женщина вздохнула — глубоко, протяжно, будто от этого укуса она испытывала не боль, а наслаждение.

— Не бойтесь, — тихо сказал Эрик, заметив мой взгляд.
— Она сама этого хочет. Они все сами этого хотят.

Я отвела глаза. Мы пошли дальше.

— Кто они? — спросила я, когда звуки стихли.

— Доноры, — ответил он спокойно. — Те, кто добровольно отдаёт свою кровь. Взамен они получают защиту, кров, еду, деньги. И... некоторые другие удовольствия.

Повисла неловкая пауза, которую хотелось чем то заполнить.

— А это? — спросила я, заметив дверь в конце коридора.

— Производственные помещения, — ответил он коротко.
— Отец сам будет посвящать вас в тонкости бизнеса, когда придёт время.

Он не предложил зайти. Я не стала спрашивать.

Мы вернулись к моей двери. Эрик остановился, повернулся ко мне.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Отдыхайте. Завтра будет новый день.

— Ночь, — поправила я.

Он усмехнулся.

— Ночь, — согласился он.

Он не уходил. Стоял, смотрел, и в его взгляде было что-то, от чего по коже бежали мурашки.

— Спокойной ночи, Лена, — сказал он наконец.

— Спокойной ночи, — ответила я.

Я вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Перед глазами всё ещё стояла та картина — женщина, прижатая к стене, её лицо, полное экстаза.

Я не знала, что чувствовать. Страх? Отвращение? Или что-то другое, чего я не хотела признавать даже самой себе.

Глава 5

Она проснулась от того, что тишина стала слишком громкой. В этой тишине, под землёй, где не было ни ветра, ни птиц, ни далёкого шума машин, любой звук казался неестественным. А ей послышался плач.

Детский. Жалобный. Протяжный. Он доносился откуда-то из-за двери, из темноты коридора, и в нём было что-то такое, от чего кровь стыла в жилах. Елена села на кровати, прислушалась. Плач повторился — а потом резко оборвался.

Она встала, подошла к двери. Приоткрыла.

Коридор был пуст. Мягкий свет встроенных ламп отбрасывал ровные тени. Никого. Только тишина — такая плотная, что звенело в ушах.

Она постояла, прислушиваясь. Ни звука. Ни шороха. Ни дыхания.

— Есть кто? — позвала она тихо.

Никто не ответил.

Она закрыла дверь, вернулась в кровать. Долго лежала, глядя в потолок, но сон не шёл. В ушах всё ещё звучал тот плач — то ли реальный, то ли померещившийся.

— Показалось, — прошептала она себе. — Просто показалось.

Она перевернулась на другой бок, натянула одеяло до подбородка.

Она решила: с закатом пойдёт к отцу. Спросит. Узнает. Если ей показалось — значит, показалось. А если нет...

Елена проснулась с головной болью. Тяжелой, пульсирующей, будто кто-то стучал изнутри по вискам. Всю ночь её мучили кошмары.

Снилось, что она стоит в длинном тёмном коридоре. В конце — свет, а в свете — силуэты. Вампир склонился над ребёнком. Маленькое тело изгибалось, ребёнок плакал — тем самым плачем, который она слышала наяву. Она рванулась вперёд, но ноги не слушались, будто увязли в смоле. Крикнула — голоса не было. Протянула руку — не дотянулась. Вампир поднял голову, и она узнала его. Но кто это был — не запомнила. Проснулась в холодном поту, с криком, застрявшим в горле.

Комната была пуста. Она сидела на кровати, обхватив колени, и пыталась отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучало, перед глазами всё ещё стояла та картина — ребёнок, вампир, тьма.

Она встала, прошла в ванную. Включила воду — горячую, почти обжигающую. Встала под струи и стояла так, пока страх не начал отпускатъ. Вода стекала по лицу, смешиваясь со слезами. Она не помнила, когда начала плакать.

Потом оделась. Длинное платье с глухим воротом — почти монашеское, скрывающее всё, что можно. Она не хотела сегодня быть красивой. Не хотела, чтобы на неё смотрели.

Вышла в коридор. Направилась к отцу.

Он ждал её. Сидел в кресле, положив руки на подлокотники, и смотрел на дверь — услышал её шаги задолго до того, как она постучала.

— Входи, — сказал он.

Она вошла, села напротив.

— Мне снились кошмары, — сказала она без предисловий. — Ребёнок. Вампир пьёт из него кровь. Я не могла помочь.

Отец слушал молча. Не перебивал.

— Я слышала плач ночью, — продолжила она. — Мне не показалось. Я знаю, что не показалось.

Он подался вперёд, взял её руки в свои.

— После завтрака я всё тебе покажу, — сказал он. — Ты увидишь, что здесь происходит. И поймёшь, что бояться нечего.

Она хотела спросить, что именно он покажет, но не спросила. Кивнула.

— Пойдём, — сказал он, поднимаясь. — Нас ждёт завтрак.

В столовой уже накрывали. Слуги бесшумно скользили между столами, расставляя тарелки, бокалы, приборы. Запах свежего хлеба смешивался с чем-то мясным, пряным.

Эрик уже сидел на своём месте. Увидел её — поднялся.

— Добрый вечер, — сказал он, и в голосе его звучала лёгкая, едва уловимая теплота.

— Добрый, — ответила она, садясь.

Он был любезен, как всегда. Учтив. Но сегодня в его манерах появилось что-то новое. Он смотрел на неё чуть дольше, чем обычно. Улыбался чуть шире. Подал ей чашку кофе, коснувшись пальцев — случайно или нарочно? Она не поняла.

— Вы плохо спали? — спросил он. — Выглядите уставшей.

— Кошмары мучили, — ответила она коротко.

— Сожалею, — сказал он, и в голосе его действительно послышалось сожаление.

Отец наблюдал за ними. Молча. Внимательно. Его взгляд скользнул с Эрика на дочь, с дочери на Эрика. Он ничего не сказал, но Елена заметила, как напряглись его пальцы на бокале.

Эрик взял бокал с тёмно-красным, отпил. Посмотрел на неё поверх стекла. Улыбнулся.

— Сегодня, — сказал он, — надеюсь, ваш день будет лучше.

Она не ответила. Только кивнула.

Отец положил ей на тарелку тост.

— Ешь, — сказал он. — Тебе нужно набраться сил.

Завтрак начался. Елена ела молча, чувствуя на себе два взгляда. Один — отцовский, спокойный, изучающий. Второй — Эрика, мягкий, почти ласковый, но от этого не менее тяжёлый.

Она не знала, что ждёт её после завтрака. Но знала, что сегодня она узнает правду. Какой бы она ни была.

Эрик вызвался сопровождать их, но князь поднял руку.

— Лена, — сказал он, не глядя на названного сына, — переоденься во что-нибудь поудобнее. Иними каблуки.

Она кивнула и вышла. Шаги её затихли в коридоре.

Князь повернулся к Эрику.

— Ты останешься.

Эрик замер. Он знал этот тон — спокойный, ровный, без единой эмоции. Самый опасный.

— Что ты задумал в отношении моей дочери? — спросил князь.

Эрик молчал. Не потому, что не знал ответа. Потому что знал — врать бесполезно. Князь видел его насквозь. Всегда видел.

— Я очарован ею, — сказал он наконец. — Вы знаете.

— Я вижу, — кивнул князь. — Я видел твой взгляд. Жажду обладания.

— Не только обладания, — тихо ответил Эрик. — Я хочу быть рядом с ней. Узнать её. Защищать.

— Защищать? — князь усмехнулся. — Или сделать своей?

Эрик поднял голову, встретил его взгляд. В глазах князя не было гнева — только холодное, древнее спокойствие.

— Я не могу врать вам, — сказал Эрик. — Вы мой созда-

тель. Моя кровь кипит, когда я пытаюсь скрыть правду.

Князь молчал.

— Я хочу отношений с ней, — продолжил Эрик. — Серьёзных. Не интрижка, не забава. Разве мы не прекрасная пара? Дочь князя и его названный сын. Две крови, две силы.

Князь не отвечал.

— Может быть, у нас даже смогут быть детишки, — добавил Эрик, и в голосе его послышалась лёгкая усмешка.

Князь медленно поднялся, подошёл к стене, провёл пальцем по холодному мрамору. За ней была только тьма. Земля. Могила, если называть вещи своими именами.

— Она не игрушка, Эрик, — сказал он, не оборачиваясь. — Она моя дочь. Её мать... её мать сбежала от меня, потому что не смогла принять этот мир. Я не хочу, чтобы Лена сбежала. И не хочу, чтобы она была несчастна.

— Я сделаю её счастливой, — сказал Эрик.

— Сделаешь? — князь обернулся. — Или возьмёшь?

Эрик промолчал.

— Я люблю тебя как сына, — сказал князь. — Но если ты причинишь ей боль... ты знаешь, что будет.

— Знаю, — тихо ответил Эрик.

В коридоре послышались шаги. Лена возвращалась.

— Мы продолжим этот разговор, — сказал князь, садясь на место. — Не сейчас.

Эрик кивнул.

Дверь открылась. Лена вошла — в удобных брюках, мяг-

ких туфлях, с распущенными волосами. Она выглядела проще, человечнее, и от этого ещё более желанной.

— Я готова, — сказала она.

— Идём, — сказал князь, поднимаясь.

Эрик смотрел им вслед. Взгляд его был спокоен, но внутри всё горело. Он не отступит. Не сейчас. Не после того, как встретил её.

Глава 6

Мы направились к той самой двери, в конце коридора, которую Эрик упомянул, как производственные помещения. Отец открыл дверь.

Я перешагнула порог.

Здесь было слишком светло. Белые стены, белый пол, белый потолок. Лампы под потолком горели ровно, без теней. В воздухе пахло спиртом, стерильностью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным.

Мы шли по коридору, а слева и справа тянулись стеклянные стены — прозрачные, как в аквариумах. За ними были люди.

Они лежали на кроватях. Кто-то неподвижно, кто-то ворочался. По всему помещению были размещены медицинские устройства, подключенные к людям: трубки, провода, аппараты, издающие звуковые и световые сигналы, а также осуществляющие функции вентиляции. Я не могла определить, что это за устройства, но их внешний вид вызывал тревогу.

Мужчина. Лет сорока, лысый, с запавшими щеками, лежал на кушетке с закрытыми глазами. Рот приоткрыт. Рядом с кроватью — столик с какими то инструментами.

По-соседству молодая женщина, с длинными тёмными волосами. Она лежала на боку, поджав колени к груди, как эм-

брион. Глаза открыты. Смотрела в пустоту. Не мигала.

За стеклом напротив - ребёнок. Девочка лет пяти, с тонкими косичками. Она сидела на кровати, обхватив колени руками. Рядом с ней — женщина. Наверное, мать. Она гладила дочку по голове, что-то шептала. Девочка не реагировала. Смотрела прямо перед собой.

А потом она заметила меня. Повернула голову, и наши взгляды встретились. В её глазах не было ничего. Ни страха, ни боли, ни надежды. Пустота. Такая глубокая, что у меня внутри всё оборвалось.

Я хотела отвернуться, но не могла.

Кто они? Почему они здесь? Зачем эти стены, эти аппараты, эти трубки?

Я вспомнила, как Эрик говорил о донорах. О тех, кто добровольно отдаёт кровь. Но эти люди не выглядели добровольцами. Я смотрела на них, и у меня холодело внутри.

Я смотрела на стеклянные стены и не могла отвести взгляд. Кто они? Что с ними делают? И почему я чувствую, что должна бояться? Не за себя. За них.

Мы прошли мимо десятка таких камер, пока коридор не закончился. Здесь, за массивной дверью с электронным замком, оказалась лаборатория.

Здесь всё было иначе. Не белые стены и стерильный свет, а старые шкафы с колбами, книги в кожаных переплётках, какие-то чертежи на стенах. Пахло не спиртом — древностью. И кровью.

Посреди этого хаоса стоял ОН.

Маленький, щуплый, с огромными глазами навывкате и седыми волосами, торчащими в разные стороны. Белый халат, испачканный чем-то разноцветным, на руках — резиновые перчатки в пятнах бурого. Он склонился над столом, что-то записывал в толстую тетрадь, и не заметил нашего прихода. Бормотал себе под нос, отвлёкся на колбу, встряхнул её, поставил обратно.

— Алоизиус, — позвал отец.

Учёный вздрогнул, поднял голову. Увидел князя — и лицо его осветилось улыбкой.

— Князь! — воскликнул он. — А я как раз закончил анализ той партии...

Он запнулся. Заметил меня. Наклонил голову, прищурился.

— А это... — он посмотрел на отца, потом снова на меня.

— Моя единокровная дочь, — сказал отец. — Лена.

Алоизиус замер. Колба выпала из его рук, разбилась об пол, но он даже не посмотрел в ту сторону. Смотрел на меня. На отца. На меня.

— Дочь? — переспросил он, его голос дрожал от волнения. — У вас... у вас есть дочь? В контексте первородных... Я полагал, что первородные обладают способностью к воспроизводству. Это же...

Алоизиус сделал шаг ко мне, потом остановился, будто боялся спугнуть.

— Живая, — прошептал он, едва слышно. — В её венах течёт чистая, первозданная кровь первородного. Нетронутая, не подвергнутая модификации... истинная.

Он посмотрел на отца, и в глазах его был почти восторг.

— Князь, осознаёте ли вы значение этого открытия? Это... это беспрецедентное явление! Мы никогда не исследовали кровь нерождённого потомства первородных! Это может стать революцией в нашей науке!

— Алоизиус, — голос отца стал твёрже. — Она не подопытный кролик.

— Безусловно, безусловно, — поспешно согласился учёный, не отводя от меня взгляда. — Просто... госпожа, вы даже не представляете, какой неисчерпаемый потенциал таит в себе ваша кровь. Она может стать ключом к спасению тысяч жизней.

— Она ещё не приняла решение, — сказал отец. — Она только знакомится с нашим миром.

— Какое решение? — спросил Алоизиус, его интерес вспыхнул с новой силой. — Её кровь — это уникальный дар. Она может стать краеугольным камнем в решении глобальных проблем человечества.

— Алоизиус, — голос отца стал ледяным. — Я сказал — не сейчас.

Учёный замолчал, но я видела, как горят его глаза. Он смотрел на меня, будто я была не человеком, а бесценным экспонатом.

— Кровь, — прошептал он, почти беззвучно. — Чистая, живая кровь первородного...

Отец взял меня за руку.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе остальное.

Я пошла за ним, но всё ещё чувствовала на себе взгляд сумасшедшего учёного. И его бормотание:

— Наследник... У первородного есть наследник... живой...

Мы вышли из лаборатории. Дверь закрылась, отсекая запахи и приглушённый свет. В коридоре снова было тихо — только наши шаги и моё сбитое дыхание.

Я остановилась.

— Что происходит? — спросила я. — Я ничего не понимаю.

Отец повернулся ко мне. В его глазах не было ни спешки, ни раздражения. Только спокойствие.

— Ты хочешь знать, — сказал он. — Я расскажу.

Он прислонился к стене, скрестил руки на груди. Я ждала.

— Люди и вампиры, — начал он, — связаны теснее, чем ты думаешь. Те, кто живёт сейчас в особняке — гости, как ты их называешь, — питаются кровью живых доноров. Добровольцев. Людей, которые приходят к нам сами, подписывают контракты и получают за это деньги, защиту, кров. Взамен вампиры отдают кровь. Для всех выгодные условия.

— А те, за стеклом? — спросила я. — В лаборатории?

— Те — больные, — ответил он. — Безнадёжно больные. Люди, которых человеческая медицина уже не может спасти.

Они приходят к нам за последним шансом. А мы... мы даём им этот шанс.

Я молчала.

— Алоизиус фон Шварцвальд, — отец произнёс имя учёного с уважением. — Он живёт здесь уже много лет. Он перерабатывает нашу кровь — кровь вампиров — в лекарства. Лекарства, которые лечат то, что не может вылечить никто. Рак, лейкемию, редкие генетические болезни. Он разрабатывает сыворотки, кремы, препараты, которые омолаживают, восстанавливают, возвращают к жизни.

— Омолаживают? — переспросила я.

— Да. Богатые люди со всего мира платят баснословные деньги за то, чтобы выглядеть моложе, чувствовать себя лучше. Наша продукция продаётся через закрытые клиники, через доверенных посредников. Это приносит огромный доход.

Он помолчал, давая мне возможность осмыслить.

— И на этом держится всё? — спросила я. — Весь этот город. Все эти... вампиры. Их роскошь, их власть.

— Да, — кивнул он. — На этом держится наша империя.

Я смотрела на него. На его спокойное лицо, на его уверенность. Он не видел в этом ничего плохого. Для него это был просто бизнес.

— И ты хочешь, чтобы я стала частью этого? — спросила я.

— Я хочу, чтобы ты знала, — ответил он. — А выбор за

тобой.

Отец шёл впереди. Быстро, уверенно, не оглядываясь. Я едва поспевала за ним. Коридоры петляли, уходили вниз, сворачивали, снова уходили вниз. Стекло. Везде стекло. Стены из стекла, за которыми кипела работа.

Десятки людей в белых халатах. Одни склонились над микроскопами, смешивали жидкости в пробирках, записывали показания приборов. Другие управляли машинами — огромными, гудящими, похожими на космические корабли. Третьи разливали готовые лекарства по баночкам, по бутылочкам, наклеивали этикетки, упаковывали в коробки.

Никто не поднял головы. Никто не посмотрел в их сторону.

— Они... они тоже вампиры?

— Большинство, — кивнул отец.

Я смотрела на них. На бледные лица, на руки в перчатках, на глаза, прикованные к работе. Они не выглядели несчастными. Скорее — одержимыми.

— Сколько их? — спросила я.

— Не считал, — ответил отец. — Много. Достаточно, чтобы обеспечить лекарствами весь мир.

Мы прошли мимо длинного стола, где несколько учёных изучали образцы крови. Пробирки, штативы, какие-то приборы с экранами. Я заметила, как один из них, молодой парень с рыжими волосами, взял пипетку и добавил красную жидкость в пробирку. Жидкость засветилась.

— Что это?

— Эксперимент, — ответил отец. — Ищут новое лекарство. От болезни, которую пока не могут победить.

— И найдут?

— Найдут, — уверенно сказал он. — Всегда находят.

Я смотрела на этих людей. На их работу. На их одержимость. И думала о том, что я — часть этого. Всё это теперь — моя жизнь.

— Пойдём, — сказал князь. — Дальше.

Я шла за ним. Стеклянные стены тянулись бесконечно. За ними кипела жизнь, о которой никто наверху не знал. Или знал, но молчал.

— Папа.

Он остановился.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что показал.

Он кивнул.

— Ты должна знать, чем мы занимаемся. Это не только кровь и смерть, Лена. Это спасение.

Я смотрела на него и видела в его глазах — усталость. Древняя, выжженная временем. И гордость.

— Я знаю, — ответила я. — Теперь знаю.

— Ты умнее, чем я думал, — сказал он.

— Или наивнее, — ответила я.

Он усмехнулся.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе остальное.

Я шла за отцом и думала. О тех людях за стеклом, об их

надежде, о лечении, которое дают вампиры. И вдруг мысль ударила наотмашь — мама.

— Отец, — сказала я. Он остановился, обернулся.

— Маму... её тоже можно было спасти?

Он не ответил сразу. Смотрел на меня, и в его глазах была такая боль, что я пожалела о своём вопросе.

— Можно было, — сказал он тихо. — Если бы она не сбежала. Если бы я знал...

Я отвернулась. Ком подкатил к горлу.

Почему? Почему она не осталась? Почему не сказала? Почему она умерла, когда здесь, рядом, было спасение? Мама могла бы жить. Могла бы быть здесь, с нами. Мы были бы семьёй. Настоящей. Вместе.

Я закрыла глаза. Представила её лицо, её улыбку, её руки. Она могла бы сидеть сейчас за столом, пить чай с ватрушками, которые она так любила, смотреть на меня. Сказать: «Дочка, я так люблю тебя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.